

«Пашкино» в первые послереволюционные годы

*Филимонов А.В., профессор Псковского
государственного университета, главный
редактор журнала Псков*

Разговор об опочечком имении «Пашкино» и судьбах отдельных представителей владевшего им рода дворян Большчевых начал в ноябре 2007 г. на конференции в Локне А.В. Кондратеня. Он коснулся в основном положения усадьбы в дореволюционное время, привел биографические сведения некоторых Большчевых, проследив их дальнейшие судьбы.¹ Обнаруженные нами материалы позволяют дополнить его повествование фактами о послереволюционном состоянии «Пашкина».

Одно из первых свидетельств относится к январю 1919 г. Это подписанный несколькими лицами «Протокол», гласящий, что «Опочецкий уездный пожарный комитет в полном составе выбыл сего числа в имение Пашкино Жадрицкой волости для осмотра места пожара, происшедшего в ночь на 22 января в помещении бывшего училища, в котором в настоящее время помещались столяры 2-го отделения Псковского губернского конского запаса».

«Произведенным осмотром выяснено: помещение это было нежилое, с выставленными во всех, кроме одной комнаты, оконными рамами, - повествует далее документ. – В этой комнате находилась железная печь (стояк), половина которой выходила в нежилую комнату без окон, а вторая половина печи с топкой находилась в этой жилой комнате. Как видно, топка этой печи производилась усиленно и была накалена до такой степени, что прилегающая к печной трубе, выходящей на потолок, деревянная стена воспламенилась. Помещение это было занято самопроизвольно командою, т.к. квартирной комиссией уисполкома дом этот был признан непригодным для жилья, о чем сказал лично командир отделения Игорь Николаевич Бельский. Что была произведена непомерная топка печи, доказывается тем, что на ней кипела прыснутая вода, печь по прошествии 12 часов с момента возникновения пожара не успела остыть. Кроме того, в соседней комнате был обнаружен конский помет и остатки сена, что доказывает, что здесь была устроена конюшня. На вопрос, почему в доме устроена конюшня, Бельский объяснения не дал. На второй вопрос комитета – «Кто виноват в происшедшем пожаре?», Бельский ответил в довольно резкой форме: «Никто не виноват и все виноваты». Причем, в этом же доме был пожар две недели тому назад в смежной комнате – кухне, где прогорела капитальная стенка и примыкающий к ней пол. Пожар тот, как видно, произошел не от топки печи, а от неосторожного обращения с огнем живших в помещении людей, которые в момент пожара были в нетрезвом виде. Комендант также заметил, что устроенная командой в том же селе походная кухня поставлена в деревянном тесовом сарае, железная труба которой равняется деревянной крыше; на ней находится нагар сажи, поэтому крыша вполне может воспламениться, что угрожает большому деревянному дому, находящемуся не более как в 6-8 саженьях...».

«Комитет находит, - отмечается в заключение протокола, - что со стороны командира отделения Бельского отсутствовал всякий надзор за последней, а столяры, занимавшие помещение – Федор Миничев и Василий Егоров своей распушенностью допустили пожар во второй раз. Предлагаем привлечь всех троих к ответственности».²

От возникновения пожаров, разумеется, не застрахован никто, но в данном случае комитет откровенно указал их причины, не обмолвившись, однако, ни словом, что главной из них явилось самовольное занятие помещений теперь уже национализированной барской усадьбы и бесконтрольное их использование. «Дворянское гнездо» начало пожирать плоды вседозволенности и бесхозяйственности, порожденные происходившими в стране «великими потрясениями». К счастью, указанные пожары не нанесли значительного ущерба усадьбе, не затронув главного дома, который, однако, тоже мог быть уничтожен.

В этом главном доме продолжал проживать П.П. Болычев с семьей, но было очевидно, что новая власть долго этого не потерпит. И она «положила глаз» на барский дом очень скоро. Уже 18 ноября 1919 г. Опочецкий исполком рассмотрел предложение отдела социального обеспечения «о выселении из имения Пашкино семейства владельца этого имения Болычева в целях освобождения помещения под дом призрения ввиду крайней необходимости расширить таковой». Но орган власти уезда в этот раз признал выселение «семейства Болычева, члены которого служат красноармейцами, невозможным», рекомендовав собесу вместе с уезмотделом подыскать другое помещение.³

Собес, однако, «наступление» на усадьбу продолжал, и 11 февраля 1920 г. комиссия его обсудила вопрос «об обработке и использовании пахотной земли при имении Пашкино в настоящем 1920 г.». Завхозу имения было предложено «представить свои соображения о разбивке пахотной земли при имении для введения севооборотов», перед коммунальным отделом ходатайствовали о разрешении использовать для удобрения полей «хлевной навоз», а перед УЗО – о снабжении сельскохозяйственными орудиями и семенами.⁴ П.П. Болычев, похоже, вскоре оказался из имения выселенным, имущество его было изъято, но дом самовольно заняли новые жильцы. 13 апреля 1921 г. уисполком рассмотрел «отношение усобеса с просьбой о выселении из имения Пашкино граждан Устрикова и Федорова» и принял решение «выселить указанных граждан из имения, причем если они имеют сельское хозяйство в деревне, то выселить их в ту деревню, откуда они происходят, если не имеют такового, то переселить их в город».⁵

В бывшем же имении разместился дом инвалидов, именуемый иногда богадельней. Должного порядка, как выяснилось, здесь на первых порах тоже не было. В начале марта 1922 г. собес, например, докладывал, что «до сокращения штата в ней был полный порядок, а теперь установить случаи хищения очень трудно». Пришлось заменить заведующего, а уисполком в продолжение этого рекомендовал даже «пересмотреть весь служебный персонал богадельни».⁶

С выселением П.П. Болычева, как оказалось, поспешили: сплошное выселение дворян из их бывших «гнезд» было еще впереди, в начале же 1920-х гг. выселяли только «откровенных врагов Советской власти». Данный случай под эту «статью» не подходил, и постановлением ГубЧК Болычев был возвращен на место. 31 января

1922 г. собес информировал Опочецкий уисполком о том, что «возвратившийся помещик Большчев требует предоставить ему помещение в принадлежавшем ему ранее имении Пашкино, где сейчас находится дом инвалидов». «Если пустить туда Большчева, то дом инвалидов придется закрыть», - категорично утверждал собес. Но проблему так или иначе необходимо было решать, потому что Большчев оказался в подобной ситуации не единственным. Поэтому при обсуждении вопроса в исполкоме, один из членов предложил поставить его шире: «вообще разрешить вопрос о возвращении имущества выселенным из уезда помещикам и теперь возвратившимся обратно». Решение уисполкома в результате оказалось следующим: «Ввиду того, что согласно Декрета о социализации земли, все имения нетрудового элемента со всем движимым и недвижимым имуществом национализированы и являются достоянием Республики, в просьбе Большчева о предоставлении ему помещения в Пашкине отказать, предложив ему о предоставлении квартиры обратиться в горкомхоз, а равно и всем возвратившимся обратно в уезд помещикам, ничего взятого от них обратно не возвращать».⁷ П.П. Большчев, однако, настаивал на своем, обратившись в губернские организации. Но Псковский губисполком 10 марта 1922 г. признал правоту уездных властей, постановив: «Оставить в силе постановление уисполкома от 31 января с.г. о том, что никакого имущества возвратившимся обратно в уезд помещикам не возвращать. Что касается просьбы Большчева о предоставлении ему помещения и земли в Пашкине, предложить ему обратиться с просьбой в УЗУ».⁸

Летом того же 1922 г. возникла было идея изменить существующее назначение Пашкина. В связи с предполагаемым упразднением от собеса, как самостоятельного учреждения, Опочецкий уисполком 4 июля решил «имение Пашкино со всеми постройками, садом и землей после ликвидации богадельни передать по договору в ведение Упрофбюро для организации в нем дома отдыха». Но собес все же сохранился, и уисполком 10 августа того же года во изменение своего предыдущего постановления оставил все по-старому.⁹

Узмотдел все же нашел возможным предоставить П.П. Большчеву место для проживания в бывшем имении, и в мае 1924 г. значилось: «Большчев Павел Павлович, 70 лет, дворянин, живет в имении и имеет норму земли, которую обрабатывает семья». Уже тогда в губернии началась кампания по сплошному выселению дворян и другого «нетрудового элемента» из бывших «гнезд», и Большчева «за старостью» решили оставить.¹⁰ Но на этом дело не закончилось: процесс выселения «бывших» набирал обороты, и власти в своих решениях особо обращали внимание на законность дворянского землепользования и использование наемного труда. 7 января 1925 г. Губземуправление официально запросило Опочецкое УЗУ, оформлено ли землепользование П.П. Большчева «в порядке Циркуляра № 13 от 16.IX.1918 г.», «указав дату и номер документа, если землепользование оформлено, и сколько земли имел до революции». Через неделю в Псков ушла информация о том, что «помещик – владелец имения Пашкино Павел Павлович Большчев – дворянин, как имеющий в семье 10 едоков, в порядке социализации земли в 1918 г. наделен 2,66 дес.». Накануне, 13 января 1925 г. уездная комиссия все же постановила П.П. Большчева из Пашкино выселить.¹¹

Еще через несколько дней, 16 января 1925 г. Опочечское УЗУ направило документы на выселение Большчева и ряда других бывших помещиков уезда для рассмотрения в губернской комиссии: «Большчев Павел Павлович, имение Пашкино, количество земли в пользовании до революции 242,2 дес., в настоящее время – 2,66 дес., количество едоков – 10, землепользование отведено при социализации земли, отведена земля в бывшем имении, участок землеустройству не подвергался, владение чересполосное, построек нет, при отводе земли передана одна лошадь и две коровы, сейчас одна лошадь и одна корова, хозяйство бессистемное, с применением наемного труда, в аренду участок не сдан». Немедленного выселения, однако, не произошло и на этот раз, но 19 мая 1925 г. Опочечская комиссия вторично вынесла решение о выселении П.П. Большчева, утвержденное 29 мая уисполкомом.¹²

Дочь дворянина Т.П. Большчева после этого направила заявление во ВЦИК, и Псковский губисполком по поручению последнего 16 сентября 1925 г. решил: «Бывший помещик Павел Павлович Большчев, из дворян, в настоящее время 73 лет от роду, страдает хронической болезнью, как и его жена. Двое его сыновей принимали участие в рядах Красной Армии, один из них – Лев Большчев пропал без вести при отступлении от Варшавы в августе 1920 г. Большчев на основании декрета от 20.03.25 г. подлежал вместе с семьей лишению права на землепользование и выселению, но принимая во внимание, что оба сына служили в Красной Армии с первых дней революции, активно борясь на стороне Советской власти, а сам Большчев находится в преклонном возрасте и болезненном состоянии, почему нет никаких оснований предполагать с его стороны враждебных выступлений по отношению к рабоче-крестьянской власти, руководствуясь декретом СНК от 20.03.25 г., Президиум губисполкома признает возможным оставить Большчева с семьей на месте, не лишая права на землепользование». Соответствующее ходатайство было направлено на рассмотрение во ВЦИК.¹³

Опочечская уездная комиссия, однако, стояла на своем, и направила в губисполком новое представление, еще больше сгустив краски и приведя, по ее мнению, «бесспорные» доказательства: «Гражданин Большчев – дворянин, до революции имел 4 имения общей сложностью в 2670 дес., приобретенных покупкой – частично на наличные, частично через банк. Землепользование велось при помощи наемного труда и путем сдачи в аренду. Землей наделен из своего бывшего имения Пашкино в количестве 2,66 дес., обрабатываемых частично с применением наемного труда. По сведениям УЗУ, отношение окружающего населения как до революции, так и в настоящее время, враждебное...». Содержались, правда, в представлении и «смягчающие» обстоятельства: «В своих заявлениях Большчев указывает на свой преклонный возраст (73 года) и на болезненность свою и жены, что подтверждается и врачебными свидетельствами, а также на службу сыновей своих в Красной Армии, причем один из них пропал без вести, а другой инвалид, и просит об оставлении его на месте. Из имеющихся в деле удостоверений штаба 7-го пограничного стрелкового полка, входившего в состав действующей армии, видно, что один из сыновей Большчева – Павел Большчев состоял на службе в названном полку, а из удостоверения Управления начальника артиллерии 10-й стрелковой дивизии усматривается, что красноармеец названного управления Лев Павлович Большчев пропал без вести при отступлении от Варшавы в августе 1920 г.». 26 сентября 1925

г. из Пскова в Опочку поступил ответ: «выселение гр. Большчева из бывшего имения Пашкино не производить до разрешения вопроса о нем во ВЦИК». Но ВЦИК оказался неумолим, и губисполкому ничего не оставалось, как изменить свое решение: 1 декабря 1925 г. он постановил выселить П.П. Большчева с семьей из пределов губернии. Фактическое выселение состоялось 5 апреля 1926 г., и Большчев избрал местом жительства Ленинград.¹⁴

Отныне единственным «хозяином» в Пашкине остался инвалидный дом. 6 июня 1927 г. Президиум Опочечского уисполкома в очередной раз заслушал доклад заведующего домом Игнатъева и признал необходимым провести в жизнь ряд мероприятий: уфинотделу при составлении бюджета на 1927/28 г. «включить в смету расходов ремонт и оборудование имеющегося при Пашкинском доме флигеля в зависимости от возможности расширить контингент призреваемых», «увеличить размер средств на довольствие призреваемых, а равно отпуск средств на обмундирование», заведующему домом – «принять меры к культивированию имеющегося при доме сада и к сдаче последнего в аренду на выгодных условиях», «пересмотреть контингент призреваемых в сторону исключения из обеспечения инвалидного дома лиц, могущих быть переданными на иждивение родственников» и др.¹⁵ Инвалидный дом продолжал функционировать в Пашкине в течение ряда лет.

Примечания

¹ Кондратеня А.В. Из истории рода Большчевых и имения Пашкино //Дворянские усадьбы Псковской губернии: Материалы II областной научно-практической конференции. Псков, 2008. С. 55-60

² Государственный архив Псковской области (ГАПО). ф. Р-590. оп.1. д.275. л.56

³ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.269. л.130

⁴ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.511. л.4

⁵ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.512. л.66 об.

⁶ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.1031. л.43

⁷ Там же. Л.12

⁸ Там же. Л.52 об.

⁹ Там же. Л. 109, 128

¹⁰ Отделение документов новейшей истории и по личному составу Госархива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф.2. оп.1. д.254. л.6 об.

¹¹ ГАПО. ф. Р-203. оп.1. д.165. л.1-2

¹² Там же. Л.3, 8, 10, 38-39, 46

¹³ ОДНИЛС ГАПО. Ф.1. оп.1. д.397. л.8; ГАПО. ф. Р-203. оп.1. д.165. л.63-64

¹⁴ ГАПО. ф. Р-203. оп.1. д.165. л.86-87, 91; д.281. л.13-14; д.42. л.161-162

¹⁵ ГАПО. ф. Р-590. оп.1. д.1917. л.73